

“не я один голы забиваю”

Ян Андерсон — Газете

Великий британский рок-музыкант, флейтист, поэт и композитор — лидер Jethro Tull **Ян Андерсон** приехал в Россию, где даст три концерта, два в Москве и один в Питере. Перед гастролями с Андерсоном удалось встретиться и побеседовать **Антону Долину**.

Послушать вашу музыку, посмотреть на дискографию — складывается ощущение, что вы перепробовали все стили рок-музыки. А как-то определить, в чем собственный стиль Jethro Tull, вы можете?

Нет, невозможно его описать. Мы — подобие рок-группы, но мы не настоящие. Мы фальшивки. Настоящие рокеры продохнуть не могут от наркотиков, настоящие рокеры не упустили бы вон ту блондиночку, не затачив ее предварительно в ближайший угол, настоящие рокеры старались бы быть плохими парнями. Настоящий рокер не может вставать утром в семь, чтобы нормально позавтракать, как это делаем мы. Я музыкант акустический, играю на гитаре и флейте, а в рок-группе остальные ребята звучат очень-очень громко. И вообще, слишком много культур на меня повлиало. Но лучшего слова для описания нашей деятельности, чем «рок-музыка», не существует. Хотя мы — плоховатый пример рок-группы.

Окончание на странице **13**

Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

“не я один голы забиваю”

Ян Андерсон — Газете

Окончание.
Начало на странице 01

Может, это и помогает вам существовать столько лет подряд?

Это не единственная причина. Представьте себе Motorhead: они тоже тысячу лет со сцены не сходят, а играют все время одно и то же. Не думаю, что особо интересно копаться в истории, если ты хорошо делаешь свое дело. Вот они — классическая архетипическая рок-группа, и карьера у них длится много лет. Если ты веришь в свою музыку, как это делает Лемми из Motorhead, то у тебя она получается, это очевидно. Важна лояльность к собственному делу.

А вы чему верны — стили-то все время меняются?

Я могу заскучать в любую секунду, и это становится поводом для перемены стиля. От концерта Motorhead я утомлюсь за пятнадцать минут, а Лемми, как пить дать, так же хватит четверти часа, чтобы уйти с нашего концерта. Только я твердо знаю, что услышу за эти пятнадцать минут, а он, возможно, удивится услышанному, хотя понравится ему или нет, сказать невозможно.

Вы написали практически все песни Jethro Tull. Можно ли сказать, что Jethro Tull — это и есть Ян Андерсон?

Да, со времен первого альбома в группе остался один я... Двадцать два человека прошли через основной состав, а остальных и не упоминать. Были бы мы футболистами, нас бы хватило на две команды! Вот у вас какая самая известная футбольная команда в России?

Понятия не имею... Наверное, «Спартак».

Ну вот, «Спартак». За последние тридцать пять лет там сколько народу переиграло? Полным-полно, скорее всего. Но люди болеют за нее все эти годы. С Jethro Tull — та же история, мы остаемся и храним себя на протяжении нескольких десятилетий. Конечно, разные люди с разным музыкальным прошлым приходили в группу, у каждого были свои идеи, и мы постоянно менялись. Но мы делали это вместе. Вот у Фрэнка Заппы было так же: музыкантов было видимо-невидимо, а группа оставалась прежней. Заппа — классический случай лидера группы, да и я такой же. Я не единственный футболист в команде, не я один голы забиваю, мы равные партнеры.

Не жалеете о когда-то выбранном названии — Jethro Tull?

Да, это одна из немногих вещей, о которых я по-настоящему сожалею: назваться по имени мертвого человека, который изобрел какой-то усовершенствованный плуг, — какая глупость! Поначалу я этому значения не придавал, а потом понял, что Джетро Талл был настоящей знаменитостью в свое время. С таким же успехом можно было бы назваться «Робин Гуд» или «Адольф Гитлер». Вот если бы мы назывались попросту Tull... Вот это отличное название для рок-группы. Звучит сильно! Талл — так могли бы звать главного злодея в следующей серии про Джеймса Бонда.

Тогда надо было бы хэви-метал играть...

Ага, точно. А «Джетро» — что-то в этом простонародное, деревенское.

Мог бы Jethro Tull существовать без флейты? Заменял бы ее, скажем, тромбон, труба или кларнет?

Кларнет — хорошая идея! В рок-музыке пока не было кларнетистов. Флейты-то были, но именно я превратил флейту в лидирующий рок-инструмент, не хуже гитары. Кто-то мог бы сделать то же самое

с кларнетом, кто-то — с трубой. Только никто не сделал этого, почему-то. Классический инструмент непросто интегрировать в рок-музыку. Хотя вот Майлз Дэвис сделал для трубы в джазе не меньше, а то и больше, чем я для флейты в рок-н-ролле. Не знаю, почему трубу не используют, такой мощный инструмент! Удивительно. Вот вам конструктивная идея — ваша, между прочим. Плюньте на электрогитару и даже флейту, возьмите кларнет или трубу, и у вас появится шанс стать Джимми Хендриксом в области трубы или кларнета. Великим рок-музыкантом, открывшим новую эру в 2003 году. Блестящая возможность! (Смеется.)

Только я на трубе не играю...

То-то и оно, я тоже не играю.

Скажите, вам не приходило в голову, что знаменитый хит группы The Eagles «Hotel California» списан с вашей старинной песни «We used to know»?

Да, и забавно, что мы с гитаристом Мартином Барром поняли это только несколько лет назад! Что ж, нам не жалко. Помню, как в 1972-м мы выступали в США, а на разогреве у нас выступала молодая группа The Eagles. Был у нее единственный хит, еще до «Hotel California», но публике они все равно не нравились, она реагировала как-то холодно... Что касается плагиата, то нужно соблюдать осторожность. Я, как напишу новую песню, даю сразу друзьям послушать — вы нигде такого не слышали? Если слышали — песня отправляется в корзину. Сразу.

В России продается и распространяется огромное количество пиратских изданий ваших пластинок. Что вы чувствуете, зная об этом, — злость или гордость?

И то, и другое понемногу. Вообще-то, против бутлеггов я ничего не имею — нелегальные записи концертов существуют еще с шестидесятых годов, у меня их дома немало. Качество на них плоховатое, и беспокоиться не о чем: ну продадут они пару сотен копий, ну и что? Вот мы недавно играли в Гамбурге, потом в Мюнхен поехали, а там уже бутлег продается с гамбургского концерта. За неделю сделали! Это все для безумных коллекционеров. А настоящие пираты, цифровое клонирование чужого материала — это плохо. И не потому, что нам никто за них не платит. Просто это воровство, и все деньги достаются тому, кто ни с кем их не разделит. Он ворует не только у нас, но и у всех, кто живет благодаря налогам; ведь налогов-то эти ребята точно не платят. Знал бы я лично, кто выпускает пиратские записи, я бы его попросту убил. Позвонил бы паре московских голововорозов, сказал бы, что даю пять сотен баксов — пусть только замочат этого пирата. На самом деле я бы так, конечно, не поступил. Не настолько я на них зол, на пиратов. Хотя они и крадут мои деньги.

Вы написали сотни песен, записали десятки альбомов, сыграли неисчислимое количество концертов. Усталость не ощущается?

Я с ума схожу, если не играю концертов. Нет, серьезно! Две недели без концертов с трудом могу выдержать. А я последние четыре месяца провел в студии, новый альбом писал. Можете себе представить, как я себя чувствую! Я бы каждый день играл или хотя бы каждую неделю по паре концертов давал. Но это непросто, у нас даже барабанщик в Лос-Анджелесе живет, а мы все в Англии по разным графствам разбросаны. Мне жалко, что в Россию я приехал только для трех концертов: не уверен, что окупятся все затраты. Вряд ли мы что-то заработаем, но хотя бы сыграем в месте, где никогда раньше не выступали. А в следующем году, может, и вернемся.

Андерсон Ян

Модерн

Ян Андерсон: «Одна из немногих вещей, о которых я по-настоящему сожалею: назваться по имени мертвого человека, который изобрел какой-то усовершенствованный плуг, какая глупость!» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета